

НЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ВЫЗОВЫ ЭПОХИ ДИПФЕЙК NON-PROPERTY STATE INTERESTS: THE CONCEPT, TYPES AND CHALLENGES OF THE DEEPFAKE ERA

Адам Адамович ДОЛГИЕВ

Ассоциация юристов России, Москва, Российская Федерация,
law-journal@internet.ru,
ORCID: 0000-0003-2543-4502

Информация об авторе

А.А. Долгиев — медиатор, член Ассоциации юристов России, кандидат экономических наук

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию неимущественных государственных интересов как особой правовой категории, находящейся на стыке публичного и частного права. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью переосмысления роли государства в условиях цифровой трансформации, когда традиционные основы государственности (суверенитет, репутация, доверие к институтам) подвергаются новым, нематериальным формам посягательства, таким как технологии дипфейк. **Цель исследования** — сформировать целостностную концепцию неимущественных интересов Российской Федерации как публично-правового образования, предложить эффективные механизмы их правовой защиты и адаптировать правовой инструментарий к современным вызовам. Для достижения цели решались следующие **задачи:** проанализировать правовую природу и виды неимущественных государственных интересов; оценить специфические угрозы, исходящие от технологий генеративного искусственного интеллекта (дипфейк); провести критический разбор существующих доктринальных подходов к возмещению нематериального вреда; разработать систему законодательных, организационных и процессуальных мер по защите данных интересов. Особое внимание уделено детализации концепции публично-правовой реституции, включая методики расчета размера компенсации, а также четкому разграничению предлагаемого понятия «цифровой суверенитет неимущественных интересов» от смежных концепций с учетом зарубежного опыта.

- Применялись **методы** сравнительно-правового и историко-правового анализа, системный подход, а также метод юридической интерпретации. **Результаты** исследования включают в себя: авторскую классификацию неимущественных государственных интересов (репутационный, суверенный, интерес к доверию институтам, интерес к сохранению идентичности); детальный анализ дипфейка как системного вызова; разработку концепции «цифрового суверенитета неимущественных интересов» и конкретных предложений по совершенствованию законодательства (специальный закон, публично-правовая реституция, процессуальные новации).

- **Выводы** состоят в том, что защита неимущественных интересов государства требует создания особого правового режима, интеграции международных и национальных усилий, внедрения гарантий против злоупотребления властью и адаптации процессуальных кодексов для эффективного противодействия технологическим угрозам в цифровую эпоху.

- **Ключевые слова:** государственный интерес, неимущественные интересы, защита репутации государства, дипфейк, цифровой суверенитет, публично-правовая реституция

- **Для цитирования:** Долгиев А.А. Неимущественные государственные интересы: понятие, виды и вызовы эпохи дипфейк // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2026. Т. 56, № 1. С. 48–57; DOI: 10.17323/tis.2026.32174

Adam A. DOLGIEV

Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russia,
law-journal@internet.ru,
ORCID: 0000-0003-2543-4502

Information about the author

A.A. Dolgiev — Mediator, Member of the Association of Lawyers of Russia, Candidate of Economic Sciences

ний. Именно отталкиваясь от этого базового тезиса, можно сформулировать дефиницию неимущественных государственных интересов как охраняемых правом нематериальных благ и социально значимых ценностей, принадлежащих Российской Федерации, ее субъектам и муниципальным образованиям как публично-правовым образованиям, направленных на обеспечение и защиту конституционного строя, национального суверенитета, международного престижа и авторитета, культурно-исторической идентичности, доверия граждан к публичным институтам, а также духовно-нравственных основ общественного бытия.

Правовая природа этих интересов сложна, поскольку находится на пересечении публичного и частного права. С одной стороны, их источником и смысловым наполнением является публично-правовая сущность государства, его исключительные, суверенные полномочия и функции. С другой стороны, в случаях, когда нарушение этих интересов происходит посредством конкретных действий или бездействия отдельных физических или юридических лиц (например, распространение клеветнической информации, создание и использование дискредитирующих технологических подделок), механизм их защиты неизбежно вовлекает инструментарий частного, в первую очередь гражданского, права. Это порождает необходимость тонкой адаптации классических гражданско-правовых конструкций (таких как деликтная ответственность, возмещение вреда, способы защиты чести и достоинства) к защите интересов столь специфического субъекта. Публично-правовая сущность государства как носителя таких интересов напрямую влияет на его процессуальный статус. Как верно отметила Е.В. Михайлова, правоспособность Российской Федерации в гражданских правоотношениях является специальной и не совпадает с правоспособностью частных субъектов, поскольку государство реализует интерес всего общества [3]. Это фундаментальное отличие диктует необходимость специального процессуального регулирования участия государства в судопроизводстве, которого сегодня явно недостаточно в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — АПК РФ).

При этом фундаментальное значение имеет четкое доктринальное и законодательное разграничение между государственным интересом и интересом публичным. Государственный интерес представляет собой качественно особую категорию, принадлежащую государству как первичному субъекту конституционного права [4]. Он персонифицирован, непосред-

ственно связан с осуществлением суверенной воли конкретного публично-правового образования и обеспечением его существования. Публичный же интерес имеет более широкую, социальную природу, он принадлежит неопределенному кругу лиц, обществу в целом и ассоциируется с общим благом, благополучием, социальной гармонией. Именно это различие объясняет объективную возможность возникновения коллизий и противоречий между данными категориями интересов, для разрешения которых конституционным правом предусмотрен механизм сбалансированного и соразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина. Такое ограничение допустимо только в строго определенных целях, прямо перечисленных в Конституции, среди которых — защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Таким образом, неимущественные государственные интересы — это не абстрактная социальная ценность, а конкретное правовое благо, принадлежащее субъекту, чье нарушение наносит ущерб самим устоям государственности, а не просто общественному порядку или какому-то частному субъекту.

Многообразие форм проявления неимущественных государственных интересов позволяет говорить о сложной, многокомпонентной системе.

Центральное место в ней занимает репутационный интерес, или интерес к поддержанию безупречной деловой репутации и международного авторитета государства. Репутация государства представляет собой сложный социально-правовой феномен, складывающийся из устойчивых, позитивных представлений национального и мирового сообщества о его надежности как партнера, легитимности его политического режима, последовательности в выполнении международных и внутренних обязательств, способности защищать провозглашаемые ценности и гарантировать безопасность. В отечественной правовой традиции, как отмечает Ю.Э. Монастырский, ссылаясь на работы Н.С. Малеина [5, с. 31], понятие чести исторически трактовалось как общественная оценка личности [6]. По аналогии, репутация государства может быть понята как его «честь» в сфере межгосударственных и публичных отношений. Гражданско-правовой вред, причиняемый этой репутации, состоит не в абстрактном «оскорблении чувств», а в ее системном умалении, эрозии доверия со стороны граждан, иностранных инвесторов, международных организаций и других государств. Последствия такого вреда носят долгосрочный и комплексный характер: они могут выражаться в политической изоляции, наложении экономических санкций, оттоке капиталов, сниже-

нии инвестиционной привлекательности, падении геополитического влияния и, в конечном счете, в ослаблении национальной безопасности. При этом, как верно подмечает Е.В. Гаврилов, исследуя проблемы репутационного вреда юридических лиц, сам по себе факт распространения порочащих сведений не всегда автоматически влечет за собой имущественные потери, но очевидно причиняет нематериальный ущерб, который при определенных условиях должен возмещаться [7]. Тем более это справедливо для государства, чья репутация является стратегическим активом.

Второй ключевой вид — суверенный интерес, а точнее — интерес к обеспечению информационно-психологического суверенитета. Этот интерес заключается в защите способности государства самостоятельно, без внешнего директивного или манипулятивного вмешательства, формировать свое информационное пространство, сохранять духовно-нравственные и культурные основы общества, противодействовать кампаниям, направленным на подрыв конституционного строя и общественного согласия. Нормативное воплощение этот интерес находит в ряде стратегических документов, таких как Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», и служит правовой базой для противодействия современным формам гибридных войн, где информационное воздействие играет ведущую роль.

Третий вид — интерес к поддержанию и укреплению доверия граждан к институтам публичной власти и правосудия. Доверие здесь выступает как базовый социальный капитал государства, необходимый для эффективного управления, обеспечения правопорядка, легитимности принимаемых решений и социальной стабильности. Его подрыв ведет к распространению правового нигилизма, дестабилизации общественной жизни, росту протестных настроений и, в крайних случаях, к угрозе государственной целостности. Этот интерес имеет глубокую связь с цивилистической концепцией личности. Как указал Ю.Э. Монастырский, в российском гражданском праве при причинении вреда применяется понятие «личность» (в отличие от «лица»), которое несет в себе философский и богословский смысл субъекта разума, воли, творчества и эмоций [6]. Государство, будучи особым коллективным субъектом, также обладает своего рода «личностью» и «достоинством», которые проявляются в авторитете, уважении и доверии, питаемых к его институтам обществом.

Четвертый вид — интерес к сохранению культурно-исторического наследия и национальной идентич-

ности. Он направлен на защиту объектов культурного наследия, исторической памяти, государственного языка, национальных символов и традиций от искажения, уничтожения, присвоения или коммерческой эксплуатации, противоречащей публичному порядку и нравственности. Хотя охрана часто распространяется на материальные объекты, сущность интереса — в сохранении нематериальной связи времен, культурного кода и ценностных ориентиров нации.

Анализируя организационно-правовые формы участия государства в гражданском обороте, Е.А. Суханов выделил три основных пути: непосредственное участие в качестве особого субъекта, участие через предприятия-несобственники и участие через госкорпорации и публично-правовые компании [1]. Однако применительно к защите неимущественных интересов эта схема требует коррекции. Защита подобных интересов, в силу их неотчуждаемости, неделимости и неразрывной связи с суверенитетом, осуществляется преимущественно в первой форме — путем непосредственного выступления публично-правового образования от своего имени. Передать защиту этих интересов унитарному предприятию или даже госкорпорации невозможно, так как они не являются носителями государственного суверенитета.

Особую остроту и актуальность проблеме защиты неимущественных государственных интересов придают современные технологические вызовы, среди которых на первый план выходит феномен дипфейк (deepfake). Дипфейк как качественно новая технология, основанная на возможностях генеративного искусственного интеллекта, создает не просто грубую подделку, а высококачественный синтетический медиаконтент (видео, аудио, изображения), способный массово, быстро и крайне убедительно исказить объективную реальность. Его ключевая характеристика — стирание грани между достоверным и сфабрикованным, что подрывает онтологические основы права, ориентированного на установление истины, доказывание фактов и доверие к цифровым свидетельствам. Для неимущественных государственных интересов дипфейк представляет собой комплексную угрозу.

Во-первых, это прямая и масштабная атака на репутационный и суверенный интересы. Технологии позволяют злоумышленникам создавать поддельные видеобращения первых лиц государства с провокационными, ложными или экстремистскими заявлениями, фальсифицированные репортажи о действиях вооруженных сил или правоохранительных органов, компрометирующие материалы о публичных фигурах и государственных служащих. Цели таких акций — дестабилизация внутривнутриполитической си-

туации, манипуляция общественным мнением, срыв избирательных процессов, подрыв доверия к власти, провоцирование социальных конфликтов. Ущерб от таких кампаний носит трудноисчислимый, но крайне значимый характер, превращая информационное пространство в арену гибридной конфронтации, где традиционные методы верификации информации оказываются неэффективными.

Во-вторых, дипфейк целенаправленно атакует интерес к доверию институтам, создавая глубокий кризис легитимности власти. Дискредитация правоохранительной и судебной систем посредством фальсифицированных видеозаписей, изображающих коррупционные сделки, неправомерное насилие, предвзятость или некомпетентность судей, наносит колоссальный урон авторитету власти. Более того, в сфере судопроизводства возникает фундаментальная процессуальная проблема, кризис доказательств. Аудио- и видеозаписи, долгое время считавшиеся объективными и надежными доказательствами, утрачивают этот статус. Любая сторона процесса может заявить, что представленная оппонентом запись является дипфейком, что немедленно возлагает бремя доказывания ее подлинности на представившую сторону, требуя проведения сложной, длительной и дорогостоящей судебной экспертизы. Это приводит к затягиванию процессов, непомерному росту судебных издержек, создает широкие возможности для процессуальных злоупотреблений с целью сорвать судебное разбирательство. Таким образом, подрывается не только авторитет суда, но и базовые принципы доступности, эффективности и справедливости правосудия.

В-третьих, дипфейк нарушает ряд смежных прав, таких как право на изображение гражданина (при использовании образа конкретных лиц), авторские и смежные права, а также, что особенно важно, посягает на охраняемые законом символы государственной власти при их незаконном использовании в синтетическом контенте. Следовательно, дипфейк — это не частная технологическая проблема, а глобальный вызов, атакующий ключевые неимущественные основы государственности и требующий адекватного, столь же категоричного и четкого ответа со стороны всей правовой системы.

Построение целостной и эффективной концепции защиты неимущественных государственных интересов требует критического анализа существующих доктринальных подходов и формирования новых, адекватных современным реалиям. В отечественной цивилистике проблематике нематериального вреда и его компенсации традиционно уделялось значительное внимание. Интересный критический взгляд

предложил И.А. Черкашин, который в своей статье подверг сомнению господствующую концепцию компенсации неимущественного вреда как исключительно компенсации физических и нравственных страданий [8]. Он указал на внутренние противоречия этого подхода, особенно в случаях, когда страдания отсутствуют или не могут быть испытаны (например, при тяжелой травме, введшей потерпевшего в бессознательное состояние). В качестве альтернативы Черкашин, опираясь на идеи немецкого правоведа Е. Лоренца, предложил рассматривать неимущественный вред как посягательство на личные неимущественные права как таковые. Этот взгляд, при всей его дискуссионности, может быть продуктивно переосмыслен применительно к государству: вред причиняется не метафорическим «страданиям» государства (что является очевидной антропоморфизацией), а его охраняемым нематериальным благам и интересам — репутации, суверенитету, авторитету, — которые существуют объективно, вне зависимости от чьих-либо субъективных переживаний.

Другой важный анализ представлен в работах Ю.Э. Монастырского, который детально исследовал соотношение убытков и нематериального вреда, в том числе в контексте защиты деловой репутации [9]. Он отметил, что распространение порочащих сведений влечет за собой взыскание убытков, а не компенсацию морального вреда, особенно для юридических лиц, и указал на сложившуюся судебную практику, требующую от истца доказывания не только факта распространения, но и наступления конкретных неблагоприятных последствий. Монастырский также выдвинул теоретически значимый тезис о возможности взыскания убытков вместо компенсации морального вреда на основании толкования ст. 1082 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако при экстраполяции этих выводов на уровень государства возникают серьезные вопросы. Государство — не юридическое лицо, а единственный в своем роде (*sui generis*) субъект. Следовательно, к нему неприменим ни автоматический отказ в компенсации «морального вреда» по аналогии с организациями, ни классический механизм взыскания убытков в его строго имущественном, коммерческом понимании, ориентированный на реальный ущерб и упущенную выгоду. Требуется конструирование особого вида ответственности, которая по своим целям, основаниям и социальному назначению носила бы публично-правовой характер, но по процедурной форме и некоторым элементам состава могла бы использовать отработанный гражданско-правовой инструментарий.

В качестве интегрирующей и новаторской концепции, отвечающей на современные вызовы, пред-

лагается концепция «цифрового суверенитета нематериальных государственных интересов» как комплексного, синтетического нематериального государственного интереса. Цифровой суверенитет нематериальных интересов — это интерес государства к обеспечению аутентичности, целостности и управляемости своего национального цифрового пространства, а также к защите своих цифровых образов, репутации и информационных активов от несанкционированного, вредоносного или манипулятивного использования. Ключевое отличие предлагаемой концепции от смежных заключается в ее предметной ориентации. Информационный суверенитет (часто упоминаемый в контексте РФ) фокусируется на контроле над информационными потоками, данными и инфраструктурой, обеспечивая информационную безопасность. Технологический суверенитет (активно развиваемый, например, в Европейском союзе в рамках Digital Compass [10]) нацелен на создание независимых технологических цепочек, стандартов и компетенций, чтобы избежать внешней технологической зависимости. В отличие от них, цифровой суверенитет нематериальных интересов концентрируется на защите именно нематериальных, ценностных аспектов государственности в цифровой среде: защите подлинности его цифровой репрезентации, защите его достоинства, авторитета и доверия к нему от технологических фальсификаций (дипфейков, фейковых новостей). Это вопрос не столько контроля над данными или чипами, сколько защиты «цифровой личности» государства.

Сравнительный анализ с мерами, принимаемыми для защиты репутации государства в зарубежных правовых порядках, показывает как различия, так и точки соприкосновения.

Европейский союз. Основной акцент сделан на защите частных лиц и демократического дискурса от манипуляций. Акт о цифровых услугах (DSA) [11] обязывает платформы бороться с дезинформацией, в том числе с дипфейками, но преимущественно с позиций защиты общественного порядка и прав пользователей. Прямая защита репутации государств как таковая не является приоритетом, она выводится из защиты целостности информационной среды Европейского союза.

США. Подход фрагментирован и основан на отраслевом регулировании и судебных прецедентах. Защита репутации государства часто осуществляется косвенно, через законы о шпионаже, кибербезопасности или клевете на отдельных должностных лиц. Значительную роль играет доктрина «клеветы на государство» (sedition / libel on government), которая, однако, сталкивается с серьезными барьерами

в виде Первой поправки, защищающей свободу слова. Агрессивное противодействие внешней дезинформации ведется в рамках национальной безопасности, но не как защита отдельного нематериального интереса.

КНР. Китай обладает наиболее развитой и активной системой защиты информационного пространства и образа государства. Жесткое регулирование интернета, законы о кибербезопасности и национальной безопасности позволяют оперативно блокировать контент, подрывающий авторитет государства, партии или социалистические ценности, и наказывать за его распространение. Здесь прослеживается близость к предлагаемой концепции, однако китайская модель в большей степени интегрирована в общую систему политического контроля и менее ориентирована на выделение и гражданско-правовую защиту конкретных нематериальных интересов как самостоятельных правовых благ.

Таким образом, предлагаемая концепция «цифрового суверенитета нематериальных интересов» занимает уникальную нишу, фокусируясь именно на цивилистической защите нематериальных благ государства в цифровой сфере, формализуя их в качестве объекта особого правового режима, что позволяет выйти за рамки исключительно административно-полицейских или политико-идеологических мер.

Ядром предлагаемого механизма защиты должен стать институт публично-правовой реституции — особого вида денежной компенсации за умаление нематериальных интересов публично-правового образования. Ее цель — не возмещение имущественных потерь (которые зачастую невозможно достоверно подсчитать), а публично-правовое восстановление нарушенного состояния (реституция), санкционирование нарушения и пресечение подобных действий в будущем. Для определения ее размера необходима гибкая методология, основанная на совокупности оценочных критериев, адаптированная с учетом зарубежного опыта и экономико-правовых моделей.

Методики расчета

1. Многофакторная балльная система (экономико-правовая модель): каждому из установленных законом критериев присваиваются весовой коэффициент и шкала баллов. Критерии включают в себя:

- характер и тяжесть нарушения — намеренное создание дипфейка для дестабилизации обстановки или неосторожное распространение ложной информации;
- масштаб распространения — количество просмотров, репостов, географический охват (международные платформы или локальный ресурс);
- степень вины — прямой умысел, косвенный умысел, грубая неосторожность;

- категория нарушенного интереса и его значимость — суверенный интерес может оцениваться выше, чем репутационный в конкретной ситуации;
- затраты на устранение последствий — стоимость контрпропагандистской кампании, проведения экспертиз, международных разъяснений;
- потенциальный ущерб национальной безопасности и общественному порядку.

Итоговая сумма формируется умножением базовой ставки (устанавливаемой судебной практикой или законом) на интегральный показатель, рассчитанный по балльной системе.

2. Адаптация германского подхода к охраняемым благам: в немецком праве размер компенсации за нарушение нематериальных благ часто определяется с учетом «гипотетической лицензионной платы» — суммы, которую нарушитель должен был бы заплатить за правомерное использование. Применительно к государству можно рассчитать «гипотетическую стоимость восстановительных мероприятий», необходимых для нейтрализации вреда, или стоимость коммерческого эквивалента причиненного ущерба (например, стоимость международной рекламной кампании для восстановления инвестиционного имиджа).

3. Использование принципа «сдерживающих убытков» (punitive damages): по аналогии с англосаксонской правовой традицией, где punitive damages назначаются не для компенсации, а для наказания и устрашения, размер публично-правовой реституции может устанавливаться судом в размере, многократно превышающем любой возможный имущественный ущерб, особенно при доказанности злого умысла и участия в гибридной кампании против государства. Это делает подобные атаки экономически невыгодными.

Предоставление государству широких полномочий по защите неимущественных интересов, особенно в цифровой сфере, сопряжено с потенциальными рисками злоупотребления. К ним относятся: использование инструментов защиты для подавления правомерной критики власти, цензуры, преследования политических оппонентов под предлогом «защиты репутации»; необоснованное ограничение свободы слова и информации; создание режима чрезмерного контроля над цифровым пространством под видом обеспечения «цифрового суверенитета». Чтобы минимизировать эти риски, предлагаемая система должна быть уравновешена комплексом правовых гарантий.

1. Исчерпывающее нормативное закрепление составов: в специальном законе должны быть четко, недвусмысленно и исчерпывающе определены составы правонарушений, посягающих на неимущественные интересы. Нельзя допускать оценочных и расплыв-

чатых формулировок, открытых для произвольного толкования.

2. Принцип соразмерности и необходимости: любое ограничение прав граждан (на свободу слова, информацию) в целях защиты государственных интересов должно проходить строгий тест на соразмерность, соответствие конституционно значимым целям и быть необходимым в демократическом обществе.

3. Независимый судебный контроль: возбуждение дел о защите неимущественных интересов государства должно происходить только по решению суда или с последующим обязательным судебным утверждением. Суд обязан тщательно проверять наличие всех элементов состава, включая характер распространенной информации (является ли она заведомо ложной и порочащей, а не оценочным суждением или критикой).

4. Презумпция добросовестности ответчика: в спорах с участием государства по таким делам должна действовать усиленная презумпция добросовестности ответчика (критикующего, распространяющего информацию). Бремя доказывания противоправности и наличия умысла или грубой неосторожности лежит на государственном органе — истце.

5. Специализация судов и прозрачность: рассмотрение таких дел целесообразно отнести к компетенции специализированных судебных составов в рамках судов общей юрисдикции или арбитражных судов. Все судебные процессы должны быть максимально открытыми, а решения — мотивированными и публикуемыми.

Защита всей системы неимущественных интересов государства должна опираться на комплекс взаимосвязанных мер, образующих целостную систему.

Первое и основное направление — законодательное закрепление и четкая дифференциация. Насущной необходимостью является разработка и принятие специального Федерального закона «О защите неимущественных интересов (репутации) публично-правовых образований в Российской Федерации». Этот закон должен выполнить несколько ключевых функций: дать легальные дефиниции охраняемых неимущественных интересов Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований; установить специальный состав гражданского правонарушения — «причинение вреда неимущественным интересам публично-правового образования»; ввести и детально регламентировать институт публично-правовой реституции с применением описанных выше методик расчета.

Второе направление — организационно-координационное. Для оперативного, скоординированного и профессионального противодействия вызо-

вам, подобным дипфейкам, целесообразно создание при Администрации Президента или Правительстве Российской Федерации специального органа — Межведомственного центра мониторинга и защиты цифрового суверенитета (неимущественных государственных интересов). К его функционалу следует отнести: постоянный мониторинг отечественного и зарубежного информационного пространства для выявления фальсификаций, клеветнических и деструктивных кампаний; оперативное информирование государственных органов и общества о таких угрозах; инициирование от имени государства исковых заявлений в суды общей юрисдикции и арбитражные суды, в том числе в международные инстанции; координацию действий правоохранительных органов (Следственного комитета, МВД, ФСБ) по расследованию соответствующих правонарушений; методическое взаимодействие с крупнейшими национальными и международными IT-платформами и социальными сетями по вопросам блокировки и удаления противоправного контента; разработку методических рекомендаций для государственных органов и представителей власти по защите их цифровых образов.

Третье направление — глубокие процессуальные новации, призванные снять неоправданные процессуальные барьеры, затрудняющие защиту публичных интересов в суде, но с учетом установленных выше гарантий. В АПК РФ и ГПК РФ необходимо внести изменения, вводящие презумпцию незаконности коммерческого, политического или иного общедоступного использования цифровых образов (голоса, изображения, стиля речи) высших должностных лиц государства, официальной государственной символики, атрибутики и иных уникальных идентификаторов публичной власти без явного, прямо выраженного и документально подтвержденного согласия уполномоченного государственного органа. В таком случае бремя доказывания правомерности и законности подобного использования будет лежать на распространителе контента, а не на государстве. Далее, требуется законодательно закрепить особый порядок исследования и оценки цифровых доказательств по делам, связанным с дипфейками и иными высокотехнологичными фальсификациями. Суд должен быть не вправе, а обязан — по собственной инициативе или по ходатайству любой из сторон — ставить на разрешение вопрос о возможной подложности представленной аудио- или видеозаписи и назначать по нему комплексную судебную экспертизу с привлечением аккредитованных экспертных организаций. Чтобы защита публичного интереса не становилась заложником финансовых возможностей конкретно государственного органа, расходы на проведение

такой обязательной экспертизы по данной категории дел должны возмещаться из средств федерального бюджета по специальной процедуре. Важно также подчеркнуть, что споры о защите неимущественных государственных интересов, в силу их особой публично-правовой природы, не подлежат передаче на рассмотрение третейских судов и не могут быть урегулированы посредством процедур медиации или иных примирительных механизмов [12]. Их разрешение — исключительная прерогатива государственного суда.

Четвертое направление объединяет технологические и международные усилия. На национальном уровне необходимо стимулировать разработку и внедрение передовых технологий цифровых водяных знаков, криптографических методов аутентификации (например, на основе блокчейна) и стандартов цифровых подписей нового поколения для маркировки и верификации любого официального государственного контента. На международной арене Российская Федерация должна перейти от пассивного реагирования к активному формированию правовой повестки. В рамках ООН, БРИКС, ШОС и других подобных объединений необходимо инициировать и продвигать разработку международной конвенции или серии модельных законов, направленных на борьбу со злонамеренным использованием технологий искусственного интеллекта, включая дипфейки, установление общих стандартов верификации официальной информации, а также на выработку унифицированных подходов к защите репутации государств от клеветнических кампаний в условиях цифровой глобализации.

Таким образом, всестороннее осмысление и построение эффективной системы защиты неимущественных государственных интересов является одной из центральных и наиболее актуальных задач для современной российской юридической науки, законодателя и правоприменительной практики. Эти интересы, воплощая в себе высшие публичные ценности (суверенитет, репутацию, доверие, историческую преемственность, духовные основы), требуют для своей охраны выработки адекватных, гибких и в то же время мощных правовых механизмов, которые сочетали бы в себе проверенные временем цивилистические конструкции с учетом абсолютной специфики государства как субъекта права. Технологический вызов, воплощенный в дипфейках и аналогичных явлениях, делает эту задачу не просто теоретически значимой, но и практически неотложной, вопросом национальной безопасности. Он наглядно демонстрирует, что ущерб нематериальным, но жизненно важным основам государственности может наноситься стремительно, в глобальном масштабе и с беспрецедентной степенью убедительности, эксплуатируя

цифровую доверчивость общества. Ответом должна стать системная, опережающая адаптация всего правового поля: от фундаментального законодательного признания и детализации соответствующих составов правонарушений (включая методологию публично-правовой реституции) до создания специализированных координирующих институтов, внесения в процессуальное законодательство изменений, снимающих излишнее бремя доказывания с государства, и, что критически важно, внедрения надежных правовых гарантий против возможных злоупотреблений со стороны самого государства.

Реализация предложенных мер, включая последовательное развитие и наполнение конкретным содержанием концепции цифрового суверенитета немущественных государственных интересов, позволит сформировать устойчивый правовой иммунитет против новых форм гибридных посягательств на основы национальной безопасности и государственности, обеспечив надежную защиту достоинства, авторитета и стратегических интересов страны в сложную цифровую эпоху.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Суханов Е.А. Правовые формы реализации гражданской правосубъектности государства // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 5–17.
2. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 368 с.
3. Михайлова Е.В. Российская Федерация как субъект гражданского процессуального правоотношения // Российский судья. 2025. № 5. С. 7–12.
4. Долгиев А.А. К вопросу о понятии и видах экономических и иных имущественных интересов государства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 10 (289). С. 69–75.
5. Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М.: Наука, 1985. 165 с.
6. Монастырский Ю.Э. Убытки и нематериальный вред // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 113–132.
7. Гаврилов Е.В. Наследие практики ВАС РФ и новейшая практика ВС РФ о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2017. № 4. С. 101–118.
8. Черкашин И.А. Критика концепции неимущественного вреда // Вестник гражданского права. 2025. № 3. С. 176–198.
9. Монастырский Ю.Э. Расширенное понимание ответственности за нарушение неприкосновенности нематериальных благ // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 93–103.
10. 2030 Digital Compass: Your Digital Decade. [Electronic resource]. URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/digital-compass> (date of access: 27.01.2026).
11. The Law on Digital Services [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/digital-services-act.html> (date of access: 01.27.2026).
12. Долгиев А.А. Медиация как инструмент укрепления правовой стабильности в контексте противодействия гибридным угрозам (на примере гражданских дел с участием государства) // Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации: материалы Луганского международного юридического форума, Луганск, 16 мая 2025 г. Луганск: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», 2025. С. 46–50.

REFERENCES

1. *Suhanov E.A. Pravovy`e formy` realizacii grazhdanskoj pravosub`ektnosti gosudarstva // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. No. 1. S. 5–17.*
2. *Bratus` S.N. Sub``ekty` grazhdanskogo prava. M.: Gosyurizdat, 1950. 368 s.*
3. *Mihajlova E.V. Rossijskaya Federaciya kak sub``ekt grazhdanskogo processual`nogo pravootnosheniya // Rossijskij sud`ya. 2025. No. 5. S. 7–12.*
4. *Dolgiev A.A. K voprosu o ponyatii i vidah ekonomicheskikh i iny`h imushhestvenny`h interesov gosudarstva // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2025. No. 10(289). S. 69–75.*
5. *Malein N.S. Ohrana prav lichnosti sovetskim zakonodatel`stvom. M.: Nauka, 1985. 165 s.*
6. *Monasty`rskij Yu.E. Uby`tki i nematerial`ny`j vred // Vestnik grazhdanskogo prava. 2019. No. 2. S. 113–132.*
7. *Gavrilov E.V. Nasledie praktiki VAS RF i novejschaya praktika VS RF o kompensacii nematerial`nogo (reputacionnogo) vreda yuridicheskim liczam // Informacionno-analiticheskij zhurnal "Arbitrazhny`e spory`". 2017. No. 4. S. 101–118.*
8. *Cherkashin I.A. Kritika koncepcii neimushhestvennogo vreda // Vestnik grazhdanskogo prava. 2025. No. 3. S. 176–198.*
9. *Monasty`rskij Yu.E. Rasshirennoe ponimanie otvetstvennosti za narushenie neprikosnovennosti nematerial`ny`h blag // Zhurnal rossijskogo prava. 2025. No. 6. S. 93–103.*
10. *DIGITAL COMPASS OF 2030: YOUR DIGITAL DECADE [Electronic resource]. URL: https://futurium.ec.europa.eu/en/digital-compass (date of access: 01.27.2026).*

11. The Law on Digital Services [Electronic resource].
URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/digital-services-act.html> (date of access: 01.27.2026).
12. Dolgiev A.A. Mediaciya kak instrument ukrepleniya pravovoj stabil`nosti v kontekste protivodejstviya gibridny`m ugrozam (na primere grazhdanskih del s uchastiem gosudarstva) // Osobennosti protivodejstviya gibridny`m ugrozam v otnoshenii Rossijskoj Federacii: materialy` Luganskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, Lugansk, 16 maya 2025 g. Lugansk: Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego obrazovaniya Luganskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2025. S. 46–50.